

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-1>

УДК 332.122.5

JEL R13

Е. А. Захарчук ^{а)}, А. Ф. Пасынков ^{б)}^{а, б)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Оценка саморазвития регионов России как разновидность измерения устойчивости¹

Аннотация. Устойчивость развития социально-экономических систем рассматривается с различных точек зрения, в то же время, существующие подходы зачастую малоинформативны при оценке долгосрочных тенденций. Поэтому целью данного исследования является выделение динамики развития регионов РФ с использованием теории саморазвития и определение основных факторов их устойчивости. Гипотеза заключается в том, что при исследовании динамики соотношения темпов роста валового регионального продукта и финансово-налогового баланса регионов РФ возможно определить основные параметры устойчивости/неустойчивости развития территорий. В исследовании проведена оценка двух критериев саморазвития по всем регионам России: динамики валового регионального продукта и баланса доходов и расходов государственного сектора (финансово-налоговый баланс) за последние 23 года. Расчеты по темпам изменения ВРП показали, что значительный рост (более 1 %) наблюдался всего в 14 регионах, а ниже, чем -1 %, – в 22 регионах. Расчет финансово-налогового баланса выявил, что аномальное изъятие доходов у регионов наблюдаются в 12 территориях, обратная ситуация зафиксирована в 17 регионах. Сложив итоговые значения по динамике ВРП и финансово-налоговому балансу регионов Российской Федерации, мы сгруппировали территории в четыре подгруппы: саморазвивающиеся (18 регионов), развивающиеся (19), финансово-устойчивые (19) и слаборазвитые (29). Наибольшее количество саморазвивающихся регионов расположено в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах (по 4 региона), развивающихся – в Северо-Кавказском (6), финансово – устойчивые равномерно распределены между Центральным, Приволжским и Уральским, а наибольшая концентрация слаборазвитых наблюдается в Дальневосточном. Рассмотрены особенности развития отдельных регионов через призму федеральных округов, сделаны общие выводы по источникам и факторам саморазвития территорий. Авторами выделено, что эталоном саморазвития регионов можно признать десять регионов из разных федеральных округов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, саморазвитие регионов, валовой региональный продукт, финансово-налоговый баланс, федеральный округ

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики УрО РАН на 2025 г.

Для цитирования: Захарчук, Е.А., Пасынков, А. Ф. (2025). Оценка саморазвития регионов России как разновидность измерения устойчивости. *Экономика региона*, 21(4), 915-929. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-1>

¹ © Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Текст. 2025.

Ekaterina A. Zakharchuk ^{a)}, Aleksey F. Pasyukov ^{b)}^{a, b)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Assessment of Self-Development of Russian Regions as a Measure of Sustainability

Abstract. The sustainability of regional development can be approached from multiple perspectives, yet existing methods often provide limited insight into long-term trends. This study aims to analyse the development dynamics of Russian regions using the theory of self-development and to identify the main factors contributing to their sustainability. The hypothesis is that studying the relationship between GRP growth rates and the financial and tax balance can provide key insights into the stability or instability of regional development. Two criteria of self-development were assessed for all Russian regions over the past 23 years: GRP dynamics and the balance of income and expenditure in the public sector (financial and tax balance). Analysis of GRP growth rates showed that only 14 regions experienced significant growth (over 1 %), while 22 regions exhibited declines of less than -1 %. Examination of the financial and tax balance revealed abnormal income withdrawal in 12 regions, whereas 17 regions recorded the opposite pattern.

By combining the dynamics of GRP and financial and tax balances, regions were classified into four sub-groups: self-developing (18 regions), developing (19), financially stable (19), and underdeveloped (29). Self-developing regions are primarily located in the Central, Northwestern, and Volga Federal Districts (four regions each), while developing regions are concentrated in the North Caucasus (six regions). Financially stable regions are evenly distributed across the Central, Volga, and Ural Federal Districts, and underdeveloped regions are most prevalent in the Far East. The study considers regional development through the lens of federal districts and draws conclusions regarding the sources and factors of territorial self-development. Ten regions across different federal districts are shown to be exemplars of self-development.

Keywords: sustainable development, self-development of regions, gross regional product, financial and tax balance, federal district

Acknowledgments: The article was completed as part of a state assignment to the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2025.

For citation: Zakharchuk, E.A., & Pasyukov, A. F. (2025). Assessment of Self-Development of Russian Regions as a Measure of Sustainability. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(4), 915-929. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-4-1>

Введение

Вопросы устойчивости развития территориальных социально-экономических систем, к которым относятся регионы и муниципальные образования, достаточно широко и долго обсуждаются в научном сообществе, властных структурах и средствах массовой информации. Особенно актуальной данная тема исследования становится в странах, имеющих сильные разрывы как в статике, так и в динамике экономического развития территорий, обусловленные различными объективными и субъективными факторами: природно-ресурсный потенциал, благоприятность для проживания населения, накопленные производственные мощности, различия в системах распределения доходов между хозяйственными субъектами, особенностями налоговой системы и т. д. Разносторонность понятия «социально-экономическое развитие» обуславливает и разнообразие оценок состояния и устойчивости территориальных систем, начиная от сравнения базовых показателей, например, валового

регионального продукта, интегральных систем оценок, включающих наборы показателей экономического и социального характера, и заканчивая различного рода рейтинговыми оценками, в которые могут включаться самые разнообразные индикаторы политического или социологического характера. Применяемые системы оценки регионов и муниципальных образований являются отражением целей и мотивов, поставленных перед исследователями, и зачастую носят дискуссионный характер.

В то же время, усложнение системы оценок посредством расширения набора показателей, в том числе не всегда относящихся к социальной или экономической системе, не всегда приносит качественное улучшение картины развития отдельных территорий, поскольку и расширение наборов индикаторов, и усложнение экономико-математического инструментария их сопоставления как ухудшает восприятие полученных результатов, так и размывает действительно важные с точки зрения экономиче-

ского развития регионов индикаторы. С этой точки зрения использование достаточно простого инструментария оценки экономического развития территорий, построенного на ограниченном наборе понятных и верифицируемых показателей, позволяет наглядно продемонстрировать основные тенденции развития территорий и выделить основные факторы, оказывающие влияние на динамику развития.

Целью данного исследования является выделение динамики развития регионов РФ с использованием теории саморазвития и определение основных факторов их устойчивости. Гипотеза заключается в том, что при исследовании динамики соотношения темпов роста валового регионального продукта и финансово-налогового баланса регионов РФ возможно определить основные источники устойчивости/неустойчивости развития территорий.

Теория

Исследования по устойчивости развития территориальных систем (страны, регионов, муниципальных образований) в мировой науке проводятся достаточно давно. Наиболее сильным толчком к широким исследованиям послужила Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), также известная как «Саммит Земли», которая прошла в Рио-де-Жанейро, Бразилия, с 3 по 14 июня 1992 года¹. Введенное в оборот словосочетание «sustainable development» подразумевало поиск баланса между экономическим, социальным и экологическим развитием территорий, что породило большое количество исследований на эту тему.

Современная парадигма устойчивости сформировалась на основе Декларации Саммита ООН по устойчивому развитию, проводившегося 25–27 сентября 2015 г. в Нью-Йорке, США, в которой определены 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач. Заявленные цели развития — «найти новые пути улучшения жизни людей во всем мире, искоренить бедность, способствовать процветанию и благополучию для всех, защитить окружающую среду и бороться с изменением климата»². Поскольку цели и задачи

сформулированы в общем виде, исследователи сфокусировались на подборе статистической базы и имплементации заявленных параметров на разных уровнях управления.

Оценка различий между провинциями и автономными регионами Китайской Народной Республики по достижению целей устойчивого развития приведена в работе (Wang et al., 2024). Для исследования были использованы 18 индикаторов из статистической базы КНР, которые распределены по шести типам показателей устойчивого развития (социальное, городское, сельское, финансовое, инфраструктурное и экологическое развитие) и соотносены с целями устойчивого развития ООН. Важным моментом исследования является вывод, что значительное влияние на динамику достижения целей развития оказывает изменение валового регионального продукта (корреляция на уровне 80 %), поскольку данный показатель является базовым практически для всех остальных индикаторов развития. Другие китайские исследователи (Zhou & Dai, 2025; Miao et al., 2025) использовали более широкий набор показателей и другие методы, однако выводы о различиях между территориями оказались схожи. Попытка оценить достижение ЦУР ООН на муниципальном уровне приведена в работе (Rieiro-García et al., 2023) на примере территорий Испании. Для этого были отобраны 60 показателей из статистики, коррелирующих с показателями устойчивого развития, и проведен анализ с помощью метода X-STATIS, в результате чего были определены векторы развития муниципальных образований и вклад показателей в динамику. Похожее исследование (Milenković et al., 2024) проведено на примере муниципальных образований Республики Сербии, где предложен методический подход к исследованию взаимосвязей различных показателей. Также в работах (Pop & Stamos, 2024; Chirodea et al., 2024) представлены авторские подходы к оценке достижения целей устойчивого развития для регионов Европейского союза. Другой подход к оценке достижения ЦУР был продемонстрирован на примере регионов Италии (D'Adamo & Gastaldi, 2023; D'Adamo, & Rossi, 2025). Основываясь на методе многокритериального анализа решений (MCDA) и опросе двадцати академических экспертов по возможности его использования, авторы сформировали альтернативную оценку достижения целей устойчивого развития. Похожий подход, с уклоном на изучение влияния городского ядра и периферии в достижении целей разви-

¹ Организация Объединенных Наций (1992). Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3–14 июня 1992 года. <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992> (дата обращения: 28.05.2025).

² Организация Объединенных Наций (2015). Саммит ООН по устойчивому развитию, 25–27 сентября 2015 года, Нью-Йорк. <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (дата обращения: 28.05.2025).

тия, применяется на примере одного из муниципалитетов Румынии (Ticaeu et al., 2023).

В российском сегменте исследований в работе (Окрепилов, Коршунов, 2024) были исследованы стратегии социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа на предмет упоминания и имплементации устойчивого развития, сделан вывод о слабом упоминании ЦУР ООН в долгосрочных документах социально-экономического развития данных территорий. В работе авторов (Ершов и др., 2022) на региональном уровне предложена система индикаторов, характеризующих цели устойчивого развития (три блока: экономический, социальный, экологический), для экономического блока состоящая из семи показателей (в том числе ВРП на душу населения, средний рост ВРП за три года, объем инвестиций в основной капитал и т. д.). Схожий подход использовался для оценки регионов Арктической зоны России (Kirsanova et al., 2024). Одним из индикаторов устойчивого развития регионов рассматривается ВРП на душу населения и структура промышленности (Генералов и др., 2024).

Конечно, устойчивое развитие в литературе рассматривается не только через призму достижения ЦУР ООН. Так, устойчивость развития территорий рассматривается через финансовую безопасность региона (Karanina & Karaulov, 2023) — набор экономических индикаторов, значения которых разделены на зоны безопасности. Похожая точка зрения встречается и в мировой литературе (Zhuang & Wei, 2023). Также отмечается роль банковской и финансовой системы в достижении целей устойчивого развития (Liu & Yan, 2025). В некоторых работах российских ученых (Strielkowski et al., 2024) рассматривается взаимосвязь устойчивого развития регионов и институтов развития, выполненных на основе анализа данных по научным публикациям.

С другой стороны, многими исследователями отмечается высокая важность эффективной системы межбюджетных отношений, оказывающей влияние на устойчивость социально-экономического развития территорий. На примере одной из провинций Индонезии были проведены оценки межбюджетных отношений в контексте влияния на экономический рост (Arifa et al., 2024, Dilliana et al., 2019). Исследования показали, что фискальная децентрализация территорий оказывает положительный эффект на динамику экономического роста, однако полная финансовая независимость имеет обратные последствия. В кон-

тексте изменений в межбюджетной политике Китая в работе (Li, 2024) было проведено исследование влияния проводимых реформ на фискальную нагрузку провинций, сделан вывод о различных эффектах для регионов. Похожее исследование (Wang & Wu, 2024) посвящено стабильности региональных бюджетов в КНР, делается вывод о высоком уровне финансовой дифференциации территорий.

Также при оценке устойчивости регионального развития достаточно часто используется понятие резильентности (Resilience), означающее возможность возвращения экономической системы на траекторию устойчивого развития при воздействии негативных явлений. Например, в работе (Turgel & Chernova, 2024) представлен обзор статей в международных базах данных, посвященных резильентности на региональном уровне. Теоретический обзор понимания резильентности применительно к экономическим системам, а также его отличия от других похожих понятий приведен в работе российских учёных (Zhikharevich et al., 2021). В этой же работе проведен обзор применяемых подходов к оценке резильентности в российской и зарубежной литературе.

Таким образом, проведенный обзор исследований устойчивости территорий показал, что в экономическом смысле основным параметром оценки является валовой продукт (ВВП, ВРП, ВМП) как основной показатель деятельности территорий. Несмотря на то, что экономическое развитие в ЦУР ООН не выделяется как отдельный параметр, большинство задач так или иначе могут быть реализованы путем увеличения добавленной стоимости. Именно поэтому практически все исследователи отмечают важную роль данного показателя в своих системах оценки устойчивого развития территорий. Другим важным параметром, без которого невозможно достичь устойчивого развития, являются бюджетные потоки, поскольку именно регулятивная функция государства позволяет сформировать приоритеты в распределении добавленной стоимости и обеспечить развитие региона в заданных параметрах.

В данной работе мы опираемся на теоретические постулаты саморазвития социально-экономических систем как одного из направлений определения устойчивости территорий, содержащего в себе достаточно простые и верифицируемые индикаторы развития. Концепция саморазвития территориальных социально-экономических систем, разработанная академиком А.И. Татаркиным, содержит четкое определение понятия (Татаркин, 2013)

как «устойчивой способности региона (муниципального образования) в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство ВРП за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера». В других работах автора (Татаркин, 2012) подчёркивается неразрывная связь устойчивого пространственного развития регионов Российской Федерации и формирования условий для саморазвития территориальных систем. Другими авторами Уральской научной школы (Сергеев, 2017; Захарчук, Пасынков, 2010) были расширены теоретические и методологические аспекты понятия «саморазвитие», выделены критерии и условия формирования устойчивого развития территорий, предложены индикаторы оценки саморазвивающихся систем. По нашему мнению, имеющийся теоретический и методологический базис по оценке саморазвивающихся систем позволяет провести исследование устойчивости российских регионов.

Данные и методы

Исследование саморазвития в контексте расчетов показателей устойчивости приведено в работе (Захарчук и др., 2013). Использование двух показателей — динамики валового регионального продукта и сальдо обеспеченности собственными налоговыми ресурсами, как уже упоминалось, позволяет с достаточно высокой точностью определить тип развития региона, выделить основные условия и тенденции в динамике саморазвития. Валовой региональный продукт (соотнесенный с динамикой валового внутреннего продукта) является основным показателем экономического развития территории, позволяющим оценить вклад региона в устойчивое развитие всей страны, а также в сопоставимом виде определить лидирующие и отстающие субъекты РФ. Конечно, показатель ВРП, как и другие экономические индикаторы, не лишен недостатков как с точки зрения методологии его расчета (например, не включаются рентные платежи или существует проблема с перемещением добавленной стоимости между подразделениями крупных компаний), так и взаимосвязи с уровнем жизни населения (необходимо учитывать структуру добавленной стоимости и отраслевую специализацию экономики). Несмотря на это, добавленная стоимость является наиболее удобным

показателем при анализе больших рядов, сопоставимых с национальными данными. Вторым индикатор (критерий) саморазвития — обеспеченность налоговыми ресурсами, позволяет оценить сбалансированность финансовых ресурсов регионального развития, без которой невозможно достичь долгосрочного социально-экономического развития территорий. Используемый подход для расчета такого показателя заключается в сопоставлении общего потока налоговых платежей с территории (вне зависимости от уровня бюджета) и фактического использования налоговых ресурсов на территории (консолидированный бюджет региона). В данном подходе также имеются некоторые изъяны: не учитываются прямые федеральные расходы на региональном уровне (т. е. те, которые финансируются напрямую из федерального бюджета), текущие и капитальные вложения из различных социальных фондов, налоговые платежи не учитывают перераспределение налоговых платежей между дочерними организациями крупных компаний и т. д. Однако в целом, используя данный подход, мы можем отразить возможности региона по генерации налоговых платежей и их использованию в интересах региона (т. е. некий финансово-налоговый баланс государственного сектора). К тому же в рамках данной работы мы модифицировали схему расчета данного показателя, отказавшись от средних значений за период и рассчитав коэффициент обеспеченности по общим суммам поступлений и расходов налоговых платежей.

В упоминавшейся уже работе (Захарчук и др., 2013) были проведены расчеты по регионам России по ВРП за 1998–2009 гг. и финансово-налоговому балансу за 2002–2009 гг., исходя из имевшейся на тот момент информации. Целью настоящей работы является расчет критериев саморазвития за современный период развития регионов РФ, поэтому оценка динамики ВРП проводится за 2000–2022 гг., а баланс доходов и расходов государственного сектора — с 2002 по 2024 гг., т. е. за последние 23 года, что позволит выделить основные характеристики развития регионов РФ в новых экономических условиях, исключив период неустойчивого развития России 90-х годов прошлого века. В качестве источников информации выступают официальные данные Росстата¹ по темпам роста валового регионального продукта (в посто-

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Регионы России. Социально-экономические показатели. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.05.2025).

янных ценах) и расходам консолидированных бюджетов (кроме 2024 г., использовались поверенные альтернативные источники информации¹), налоговых сборов во все уровни бюджетной системы — информация по форме 1-НМ Федеральной налоговой службы России².

Результаты

Основываясь на данных Росстата (в постоянных ценах, которые нивелируют изменения в стоимостных пропорциях выпускаемых товаров и услуг), можно отметить что динамика валового регионального продукта регионов России в среднем за последние 23 года, составила 103,8 %. Используя сравнение динамики ВРП каждого региона со средним значением по России, мы получили достаточно пеструю картину экономического развития территорий.

Самый сильный относительный рост валового продукта (более 1 %) наблюдался всего в 14 регионах, больше всего выросла экономика Республики Дагестан (+3,81 к среднероссийскому уровню). В Центральном федеральном округе лидерами по развитию выступили Белгородская (+1,74) и Московская (+1,15) области, а г. Москва показал средние темпы роста (+0,45). Лидером по темпам экономического развития на северо-западе России стал Ненецкий автономный округ (+2,1), затем следуют Ленинградская область (+1,88) и г. Санкт-Петербург (+1,72), неплохо развивалась Калининградская область (+1,40). На юге страны в лидеры вырвался г. Севастополь (+1,93, однако надо учитывать, что период оценки начинается только с 2014 г.), Ростовская область (+1,6) и Республика Адыгея (+1,44). На Кавказе, помимо Республики Дагестан, повышенные темпы роста наблюдались в Кабардино-Балкарской (+1,10) и Чеченской (+1,02) республиках. В Приволжском и Уральском федеральных округах явных лидеров не наблюдается, наибольший рост ВРП произошел в Республике Мордовия (+0,69) и Ямало-Ненецком автономном округе (+0,60). Единственным лидирующим регионом по росту экономики в Сибири оказалась Новосибирская область (+1,62), такая же ситуация наблюдается на Дальнем Востоке, здесь лидером оказался Чукотский АО с показателем +1,84. Данная не совсем привычная кар-

тина темпов роста среди регионов России сложилась из двух факторов: первый — это использование основных цен, что ранее упоминалось, и второй, более важный, это эффект низкой базы для быстрорастущих регионов, когда небольшая в объемах прибавка в добавленной стоимости сильно изменяет траекторию роста ВРП, в отличие от развитых регионов. Именно поэтому регионы-лидеры в экономическом развитии (например, по объему общего ВРП или ВРП на душу населения) показали не столь впечатляющие результаты при использовании данной методики расчета.

Данные выводы также относятся к регионам, показавшим отрицательную динамику развития. Согласно нашим расчетам, территорий, показывающих относительные темпы роста ниже, чем -1 %, насчитывается 22. В ЦФО это два региона — Ивановская (-1,89) и Костромская (-1,77) области, на Севере России 5 регионов — республики Карелия (-2,4) и Коми (-2,56), Вологодская (-2,05), Мурманская (-2,8 — это отрицательный рекорд среди всех регионов) и Псковская (-1,97) области. На юге России только один регион с сильной отрицательной динамикой ВРП — Волгоградская область (-1,39), а на Кавказе таких регионов нет. В Приволжье, где нет ни одного региона-лидера, пять регионов запаздывают в экономическом развитии (Удмуртская Республика и Пермский край; Кировская, Самарская и Ульяновская области). На Урале по отрицательным темпам развития лидером должна была стать Курганская область, однако неожиданно по данному показателю ее обогнал Ханты-Мансийский автономный округ (-1,64 от среднего значения). Однако, если обратиться к данным по добыче нефти в Югре³, составляющей львиную долю добавленной стоимости региона, то данный феномен можно объяснить падением добычи углеводородного сырья после 2008 г., что привело к одинаковым показателям в 2002 и 2020 гг. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах замедление экономического развития наблюдалось по пяти регионам: республики Тыва и Хакасия, Красноярский край; Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край. Стоит отметить, что в СФО из 10 регионов темпы роста ВРП превышали общероссийские только у двух регионов: Новосибирская область и Республика Алтай, в ДФО — у трех из 11 (Забайкальский край, Сахалинская область и Чукотский АО).

¹ iMonitoring. Отдельные показатели исполнения бюджетов субъектов РФ. <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/otdelnye-pokazateli-ispolneniya?territory=65000000> (дата обращения: 28.05.2025).

² Федеральная налоговая служба (ФНС России). Статистика и аналитика. Данные по формам статистической налоговой отчетности. https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 28.05.2025).

³ Научно-аналитический центр рационального недропользования им. В. И. Шпилемана. Информация о добыче нефти и разработке месторождений нефти и газа в ХМАО — Югре. <https://www.crru.ru/dobicha.html> (дата обращения: 28.05.2025).

Конечно, динамика изменения добавленной стоимости регионов не является линейной во времени, на рисунке 1 приведены данные по развитию всех регионов за исследуе-

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Центральный федеральный округ	4,3	-2,4	2,1	1,1	0,0	2,2	1,6	0,6	1,8	-3,2	-1,6	-0,6	0,6	-0,2	-0,5	-0,1	0,5	0,0	0,0	0,2	1,4	2,1	-1,5	0,4
Белгородская область	2,9	-3,7	-1,6	-0,2	-1,6	-0,2	3,0	4,9	6,6	9,1	5,2	5,6	2,4	1,2	1,5	3,6	2,6	2,1	-0,4	0,4	2,3	-4,5	-1,1	1,7
Брянская область	4,9	-1,5	-0,1	0,4	-3,6	-1,7	-1,4	3,1	0,5	-1,2	-0,1	2,8	5,2	-0,8	2,2	2,1	-0,5	2,0	0,2	0,7	1,8	-3,5	-0,4	0,5
Владимирская область	1,3	-3,8	-1,9	-1,8	-2,2	-7,4	-1,1	5,7	-4,5	2,4	2,1	-2,5	-0,9	-0,4	-0,5	-1,0	-0,2	-1,2	-2,3	4,8	2,0	5,6	-6,9	-0,6
Воронежская область	-2,1	-5,4	-4,1	2,8	-5,8	-1,3	-0,7	4,6	2,3	3,9	-3,4	6,0	6,2	0,4	4,6	1,1	0,6	0,5	-0,1	-0,3	-0,4	-3,3	-2,7	0,1
Ивановская область	1,8	-5,2	-3,2	-1,5	-0,3	-2,8	-1,3	4,0	-5,8	0,8	-2,8	-4,8	-6,7	3,3	-11,4	1,9	-4,4	-2,4	-1,3	0,9	3,5	-5,4	-0,3	-1,9
Калужская область	-3,2	1,8	-3,0	0,0	-1,2	-2,0	-1,6	4,3	10,1	1,2	5,5	7,5	6,5	-4,6	1,8	-4,8	1,9	3,5	-0,1	0,7	0,9	0,2	-11,8	0,6
Костромская область	-4,0	-4,5	-3,4	-3,0	-2,3	-4,0	-1,9	-1,8	-1,8	-2,2	1,7	-1,5	1,0	0,5	-0,9	-0,8	-4,0	0,4	-2,5	-0,1	-1,5	-2,2	-2,0	-1,8
Курская область	0,8	-7,6	2,3	2,9	0,1	-3,1	-3,1	1,0	-1,6	3,6	-1,6	3,0	1,6	2,4	3,2	3,5	3,1	0,9	0,1	1,1	4,3	-1,5	-5,7	0,4
Липецкая область	-2,3	-2,6	5,0	0,2	-1,2	-5,9	-0,1	-0,3	-2,1	1,1	-0,6	-0,6	-1,3	1,6	3,8	1,6	0,8	0,7	-0,7	-3,4	5,0	-2,8	-8,3	-0,6
Московская область	-4,0	1,0	-0,6	4,6	6,0	0,0	0,4	2,2	2,5	-2,0	3,1	2,7	1,7	0,4	-1,2	3,2	2,5	0,0	-0,8	4,6	1,1	4,3	-5,3	1,1
Орловская область	6,7	0,3	-0,9	-2,4	-5,1	0,3	-4,4	-2,3	0,6	-6,6	-1,2	7,9	0,8	0,0	0,1	3,0	-2,9	-3,3	-1,7	1,2	2,2	-5,3	-3,2	-0,7
Рязанская область	2,9	-1,8	-5,5	-0,2	-1,1	-1,9	-0,3	-3,9	-1,9	1,2	-0,1	3,2	1,9	0,7	-2,3	-1,3	-1,7	0,0	-2,5	-0,3	3,3	-3,4	-1,4	-0,6
Смоленская область	-6,9	0,5	-4,4	-2,9	-5,3	-2,6	-2,1	0,7	1,9	3,0	2,8	-0,7	1,1	2,7	-0,9	-0,3	-3,1	1,1	-0,8	-1,6	1,2	-2,3	-0,2	-0,8
Тамбовская область	1,5	3,6	-2,4	0,5	-2,5	-3,1	-1,1	2,2	0,1	7,2	-7,6	7,4	5,8	7,4	4,4	7,5	-5,7	-0,8	0,5	-3,9	2,4	-7,0	-2,2	0,6
Тверская область	-4,0	-3,3	-3,8	1,8	0,7	-5,6	2,4	-0,6	1,7	0,9	-1,2	0,3	-3,1	-0,8	-2,4	0,0	0,7	-0,7	0,7	-3,2	-1,2	-4,3	-3,4	-1,3
Тульская область	-0,1	-2,5	-3,4	-3,1	-1,2	-1,1	0,8	3,8	1,7	0,7	-1,0	-0,1	-0,6	2,6	4,5	6,2	3,3	2,1	0,4	-1,5	5,3	-1,7	3,8	0,8
Ярославская область	-2,9	3,7	-2,0	-3,2	0,9	-1,7	2,2	-1,8	-4,6	-0,5	-1,6	1,6	1,5	0,8	0,6	1,0	0,4	0,4	1,5	1,9	-2,1	-3,3	-0,4	-0,4
г. Москва	8,3	-3,0	4,5	1,2	-0,2	4,9	2,4	0,0	2,0	-5,2	-3,2	-2,6	-0,1	-0,8	-1,1	-1,5	0,2	-0,2	0,4	-0,5	1,2	3,4	0,3	0,5
Северо-Западный федеральный округ	-0,9	-1,2	3,1	-0,5	1,1	-1,0	-0,6	0,7	-1,0	2,5	-0,2	0,7	0,7	-1,5	-0,4	2,1	0,9	-1,0	-0,4	0,1	0,2	5,2	-2,8	0,3
Республика Карелия	-2,3	-3,2	2,0	-6,0	-4,4	-0,7	-3,2	0,2	-10,3	-4,8	-0,2	-3,2	-1,6	-1,1	-1,2	1,0	-0,7	-1,3	-1,7	-1,3	2,4	-4,4	-9,3	-2,4
Республика Коми	-0,5	1,9	-8,9	-3,7	-2,3	-3,6	0,3	-8,7	-2,4	6,1	-2,0	0,3	-1,3	-5,1	-5,6	-1,1	-2,3	-5,6	-4,1	-0,7	-4,0	-5,1	-0,4	-2,6
Ненецкий автономный округ	н/д	2,2	12,1	19,9	10,1	1,2	6,3	10,4	19,0	30,2	-8,7	-16,7	-8,2	-2,4	2,3	9,9	7,8	3,5	-10,3	-2,0	-12,2	1,3	12,6	2,1
Архангельская область	5,8	-0,2	-3,9	0,6	14,0	1,4	-1,1	3,9	-5,7	9,8	-3,8	-3,7	0,9	0,2	0,2	0,7	-1,6	1,7	0,1	-1,0	0,4	-3,4	-3,8	0,5
Вологодская область	-3,1	-4,1	-3,0	-3,0	2,2	-3,1	-3,5	-3,2	-9,0	-5,3	1,1	1,5	1,7	-6,1	1,7	1,9	-0,7	-1,2	-0,5	-2,3	0,3	-4,4	-5,1	-2,1
Калининградская область	4,5	-2,8	4,0	1,7	5,2	-4,0	7,0	11,6	-1,0	-0,9	3,0	-0,8	1,6	-0,8	3,3	-0,9	1,4	0,2	0,5	0,0	2,4	1,7	-4,8	1,4
Ленинградская область	2,0	2,4	10,7	6,7	1,3	2,0	2,9	-2,0	-0,4	7,2	0,8	1,1	3,1	-3,2	-1,1	5,2	1,0	-0,3	1,7	1,2	1,7	-0,6	-0,2	1,9
Мурманская область	-6,4	-4,4	-7,5	-6,5	-3,6	-5,2	-5,6	-6,1	-5,9	-1,2	-5,2	-5,6	-2,6	-1,0	0,0	1,8	-0,2	-0,5	-2,2	3,5	9,4	-1,6	-7,7	-2,8
Новгородская область	-7,7	-6,2	-7,3	-4,1	-0,9	-3,8	-4,3	-2,8	2,5	6,5	-2,3	-1,7	5,3	0,1	3,9	2,8	0,8	0,0	-4,6	0,6	2,1	-3,3	-1,7	-0,6
Псковская область	-4,8	-5,8	-0,5	-4,6	-1,2	-7,3	-3,4	-2,7	-2,6	1,4	1,0	1,1	-3,0	-1,3	-1,8	-1,4	-0,1	-1,2	-1,0	1,1	-0,3	-5,7	-1,2	-2,0
г. Санкт-Петербург	-0,5	-1,4	12,0	0,9	-0,3	0,7	0,0	4,8	3,6	1,9	0,9	2,9	1,2	0,0	-0,3	2,0	1,5	-0,8	0,6	0,2	-0,3	12,7	-2,7	1,7
Южный федеральный округ	11,4	-0,7	-2,5	-7,9	1,0	-1,2	-1,2	1,3	2,8	0,4	0,8	1,1	0,6	2,2	0,8	0,1	0,5	1,4	-1,1	-0,4	0,1	0,2	4,6	0,5
Республика Адыгея	-5,0	-5,3	-4,3	-3,7	4,1	0,3	-1,3	7,7	8,3	13,7	-0,2	0,2	2,8	0,9	2,5	1,4	1,1	0,7	0,5	2,8	5,8	-3,8	3,9	1,4
Республика Калмыкия	-8,1	-7,6	-10,1	-38,4	-3,2	-0,8	-5,2	-4,9	-3,5	9,0	-8,2	-3,2	-3,1	0,8	3,4	-3,5	-2,7	-0,4	-2,7	-2,0	-0,7	-7,4	8,5	-0,4
Республика Крым	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Краснодарский край	0,0	-7,9	3,0	-5,6	1,9	-1,5	2,4	2,0	3,1	5,8	1,6	2,2	0,6	2,1	-0,6	-1,0	-0,7	1,4	-1,8	1,3	0,4	0,8	7,8	0,6
Астраханская область	3,7	2,6	-0,8	-5,7	-4,6	-2,2	-0,5	0,2	2,3	-3,0	-2,5	2,4	8,2	14,4	-0,8	-0,3	2,0	10,7	1,7	0,8	2,1	-10,6	0,4	0,9
Волгоградская область	1,2	4,0	-1,4	-0,8	2,0	-2,4	-6,6	-1,3	0,0	-5,4	-0,9	-2,1	-0,3	-0,4	-3,4	-5,6	-2,2	-1,9	-3,2	-1,7	0,7	-11,0	4,0	-1,4
Ростовская область	0,4	10,0	-1,3	-1,2	5,8	-0,7	3,9	4,1	4,5	-3,2	1,8	1,4	-0,6	1,1	1,9	4,6	2,4	0,6	-0,6	0,2	-0,2	-1,0	2,8	1,6
г. Севастополь	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Северо-Кавказский федеральный округ	4,5	8,3	-1,6	-1,9	1,7	-1,0	1,1	4,4	2,7	8,8	-1,1	1,1	0,3	1,8	3,3	0,4	0,1	-0,4	-2,0	0,1	2,0	-2,4	2,2	1,4
Республика Дагестан	4,3	13,0	5,6	6,3	8,5	1,2	6,9	8,7	7,0	16,5	-1,0	2,6	1,5	4,5	5,0	-0,8	0,6	1,3	-1,8	-0,7	1,5	-4,6	1,6	3,8
Республика Ингушетия	14,5	12,1	-25,7	-2,1	-1,4	-5,6	-8,4	-19,6	-7,3	-4,5	-2,7	4,0	12,2	12,4	4,2	-1,8	-3,6	1,4	1,0	0,2	-3,8	-6,9	3,5	0,4
Кабардино-Балкарская Республика	7,6	9,0	0,1	-3,1	-1,2	0,2	-3,5	-3,5	-2,2	11,8	0,9	-1,3	2,7	-3,0	0,3	2,5	1,7	-1,5	-1,7	-2,0	2,3	-1,8	6,7	1,1
Карачаево-Черкесская Республика	1,8	7,2	1,9	-5,8	0,1	-0,4	5,2	-4,6	2,1	8,6	-2,7	-0,2	1,6	-2,7	-3,3	-4,3	3,5	-1,0	-4,8	-0,4	-1,5	-0,8	4,1	0,2
Республика Северная Осетия – Алания	3,0	3,9	7,3	-4,5	-1,6	-2,1	4,1	-2,2	-5,3	10,1	1,6	-2,5	-1,5	1,8	0,2	-2,0	-5,2	-3,4	-4,2	-2,4	4,0	-1,0	0,2	-0,1
Чеченская Республика	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Ставропольский край	-4,1	4,1	1,0	-2,2	5,8	0,7	-0,1	-3,6	2,0	5,3	-0,1	1,3	-2,5	1,0	3,0	1,5	-0,4	-1,5	-2,0	0,9	2,2	0,1	1,2	0,6
Приволжский федеральный округ	-2,2	0,9	-2,9	-0,7	-1,6	-3,1	-0,4	0,8	-0,5	0,1	0,9	1,4	1,0	0,6	0,7	-0,8	-0,4	-1,0	0,4	-0,8	-3,9	1,4	-0,5	
Республика Башкортостан	-5,1	2,3	-2,7	1,4	-1,0	-0,7	0,2	1,2	2,0	6,6	0,6	2,8	1,3	0,8	0,6	-1,1	-0,3	-1,4	0,4	0,3	-3,6	-4,5	0,7	0,0
Республика Марий Эл	-13,4	-1,6	-6,5	1,6	1,0	-6,1	4,0	-0,9	-0,3	7,6	1,0	0,6	6,7	0,1	4,7	3,8	-6,1	-0,4	-0,5	-0,8	-0,4	-7,1	-0,6	-0,6
Республика Мордовия	-1,0	0,6	3,3	5,5	-6,3	-1,6	3,9	2,7	-1,5	0,6	0,2	4,0	-1,0	0,7	6,8	1,7	2,8	0,9	-2,8	0,8	1,5	-4,5	-1,4	0,7
Республика Татарстан	-3,6	5,0	-1,9	-0,2	-2,1	-2,1	0,2	2,4	2,0	4,2	-0,3	0,3	2,4	0,6	0,8	0,6	0,2	0,1	-0,6	1,2	-0,9	-4,1	5,1	0,4
Удмуртская Республика	2,6	-0,4	-6,4	-0,3	-5,8	-3,2	-4,1	-4,3	-3,0	1,6	0,1	-0,6	0,2	0,9	-0,3	0,4	0,9	-2,3	-0,8	-1,2	-1,8	-4,7	1,1	-1,4
Чувашская Республика	-4,2	0,4	-2,9	-1,0	0,7	-4,1	2,4	3,1	-0,9	-10,1	-1,3	1,3	3,1	-3,7	-1,1	-2,1	-0,2	-0,5	-0,8	0,8	0,7</			

мый период. Из представленных данных видно, что центральные регионы России в разной степени синхронизировались с общероссийскими тенденциями в экономическом развитии. Например, Калужская область показывала значительные темпы роста ВРП в 2007–2012 гг., однако резкое падение добавленной стоимости в 2022 г. (–11,5 %) не позволило региону стать лидером, его средний показатель составил +0,6 за 23 года. Или Белгородская область, которая показывала отрицательные темпы роста с 2001 по 2005 г., однако в дальнейшем смогла нарастить ВРП практически без провалов (например, в 2009 г. фиксировался самый высокий прирост добавленной стоимости среди регионов ЦФО), что и обеспечило лидерство территории по экономическому развитию. Интересные данные по колебаниям регионального продукта можно наблюдать в Республике Калмыкия и Чукотском АО, где скачки в добавленной стоимости составляют десятки процентов. Данные примеры еще раз подтверждают необходимость исследования саморазвития за как можно больший период, поскольку такой подход исключает влияние временных факторов на динамику развития регионов.

Другой критерий саморазвития регионов — финансово-налоговый баланс — показал, что в среднем соотношение собираемых налогов с регионов и расходов консолидированных бюджетов составляет коэффициент 1,53, причем если в начале 2000-х годов он колебался в районе 1,35–1,40 (а в 2008–2009 гг. приблизился к единице), то в последние четыре года он возрос до значений 1,61–1,77. Аномальное изъятие доходов у регионов (коэффициент больше чем 2, т. е. менее половины ресурсов остается на территории, «территории-доноры») наблюдаются в 12 территориях. В центральном округе таких регионов нет, и даже г. Москва (1,48) занимает третье место в данном соотношении после Рязанской (1,67) и Ярославской (1,58) областей. В севере РФ донором федерального бюджета выступают Республика Коми (2,41) и Ненецкий автономный округ (4,18), на юге — Астраханская область (2,09). Из оставшихся пяти федеральных округов в Северо-Кавказском и Дальневосточном такие регионы отсутствуют, наибольшая концентрация доноров расположена в Приволжском ФО (республики Татарстан и Удмуртская; Кировская, Пензенская и Самарская области) и по два региона в Сибирском (Иркутская и Томская области) и Уральском (ХМАО — Югра и ЯНАО) федеральных округах, причем в последнем наблюдается рекордный отток бюджетных ре-

сурсов — у ЯНАО (5,67) и Югры (8,47; т. е. всего за 23 исследуемых года из 46,7 трлн р. налоговых платежей израсходовано из консолидированного бюджета 5,5 трлн).

С другой стороны, среди российских регионов достаточно много территорий, расходы консолидированных бюджетов у которых превышают налоговые платежи в два и более раза (т. е. коэффициент обеспеченности ниже 0,5, «территории-реципиенты»), таких регионов 17. Наибольшее количество реципиентов расположено в Северо-Кавказском ФО: из семи территорий шесть испытывают недостаток собственных налоговых средств (республики Дагестан (0,29), Ингушетия (0,16), Кабардино-Балкарская (0,37), Карачаево-Черкесская (0,35), Северная Осетия — Алания (0,43), Чеченская — лидер среди регионов с показателем 0,17). Такое же количество реципиентов расположено на Дальнем Востоке (6 из 11), это Республика Бурятия (0,46), Камчатский край (0,39), Амурская и Магаданская области (0,48 и 0,44), Еврейская автономная область и Чукотский АО (0,38 и 0,41). Территориями-реципиентами в Сибири выступают Республики Алтай и Тыва (0,32 и 0,19), в Приволжье — Пермский край (0,38), в оставшихся трех федеральных округах таких регионов нет. Самой финансово устойчивой территорией выступает Центральный ФО, в нем нет ни регионов-доноров, ни регионов-реципиентов (рис. 2).

Сложив итоговые значения по динамике ВРП и финансово-налоговому балансу регионов Российской Федерации, мы получили данные по саморазвитию всех регионов России. Опираясь на более ранние исследования, мы сгруппировали территории в четыре подгруппы: саморазвивающиеся (имеющие темпы роста ВРП выше среднероссийского и положительный налоговый баланс), развивающиеся (рост экономики, но за счет сторонних бюджетных ресурсов), финансово устойчивые (избыточные налоговые ресурсы без роста ВРП), и слабо развитые (отрицательные значения по обоим критериям саморазвития). Результаты расчетов представлены на рисунке 3.

Собственно, к саморазвивающимся регионам можно отнести лишь 18 территорий (курсивом выделены новые саморазвивающиеся регионы, по сравнению с исследованием (Захарчук и др., 2013);

Центральный федеральный округ:
Белгородская область (финансовый ба-

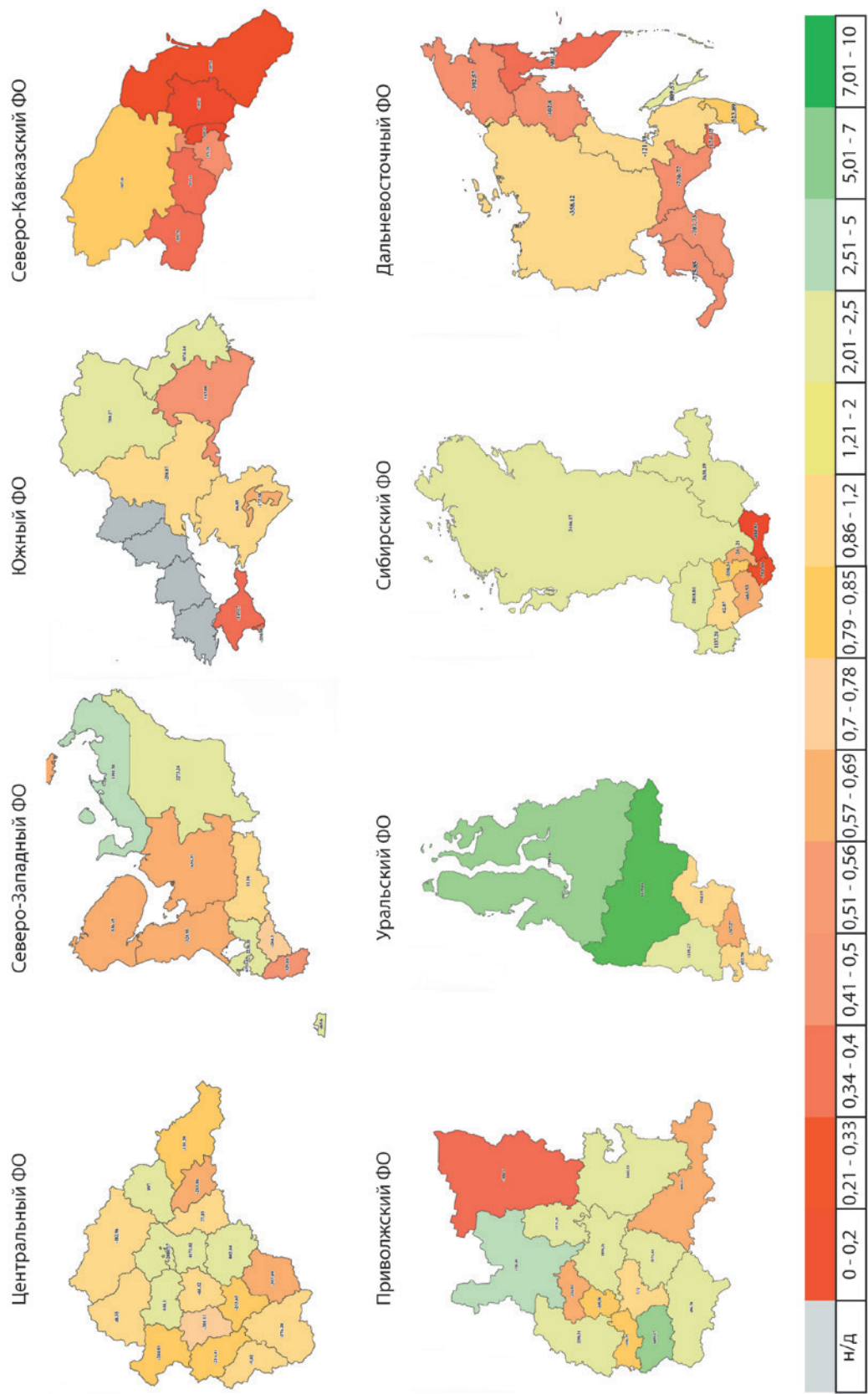

Рис. 2. Обеспеченность бюджетными ресурсами регионов РФ в разрезе федеральных округов, в среднем за 2002–2024 гг., коэффициент собираемых налогов с регионов и расходов консолидированных бюджетов (источник: составлено авторами)

Fig. 2. Budget provision across Russia's regions by federal district, average for 2002–2024, coefficient of collected taxes from the regions and expenditures of consolidated budgets (source: compiled by the authors)

Рис. 3. Распределение регионов РФ по подгруппам саморазвития
 Fig. 3. Distribution of Russia's regions by self-development subgroups (source: compiled by the authors)

ланс на грани — 0,995), Калужская область, Московская область и г. Москва;

Северо-Западный федеральный округ: Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург;

Южный федеральный округ: Краснодарский край, Астраханская область;

Приволжский федеральный округ: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пензенская область, Саратовская область;

Уральский федеральный округ: Свердловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ;

Сибирский федеральный округ: Новосибирская область;

Дальневосточный федеральный округ: Сахалинская область.

Таким образом, за последние 14 лет признаки саморазвития сохранили за собой тринадцать регионов, пять регионов вошли в клуб саморазвивающихся, а четыре (Смоленская и Омская области, Республика Мордовия и ХМАО) потеряли данный статус. При этом, как видно из списка саморазвивающихся регионов, наиболее устойчивое положение занимают субъекты РФ с особым статусом: г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская область. Уникальные условия социально-экономического развития, заключающиеся в формировании преференциальных режимов со стороны федеральных властей (от инфраструктурного строительства и льготного

размещения предприятий до «стягивания» добавленной стоимости из других регионов) позволяют данным регионам демонстрировать все признаки саморазвития в долгосрочном периоде. Другим полюсом в списке данных регионов является группа ресурсодобывающих территорий, к которым можно отнести Ненецкий АО (добыча нефти), ЯНАО (добыча природного газа) и Сахалинскую область (нефть и газ). Именно в данных регионах в исследуемый период наблюдался рост добычи природных ресурсов и резкий рост налоговых платежей во все уровни бюджетной системы. Поэтому, на наш взгляд, необходимо выделить группу оставшихся «эталонных» регионов (Белгородская и Калужская области, Краснодарский край, Астраханская область, республики Башкортостан и Татарстан, Пензенская, Саратовская область, Свердловская и Новосибирская области), саморазвитие которых обусловлено внутренними резервами и эффективной деятельностью по наращиванию производственного и финансового потенциала.

Детальное рассмотрение других подгрупп регионов, выделенных по критериям саморазвития, существенно ограничено рамками данного исследования, поэтому вкратце рассмотрим их через призму федеральных округов.

В Центральном федеральном округе наблюдается достаточно ровная картина развития территорий: типы регионов по критериям саморазвития распределены практически равномерно. На наш взгляд, степень устойчивости социально-экономического развития данных ре-

гионов значительно зависит от транспортной доступности г. Москвы, поскольку слаборазвитые регионы (Ивановская, Липецкая, Орловская и Тверская области) в большинстве своем находятся в отдалении от столицы РФ. Другим «полюсом роста» являются южные, сельскохозяйственные территории округа (Брянская, Тамбовская, Белгородская и Воронежская области), которые могут претендовать на статус саморазвивающихся в ближайшее время.

В Северо-Западном федеральном округе сложилась похожая ситуация: г. Санкт-Петербург и тяготеющие к нему регионы развиваются достаточно уверенно, отдаленные территории (Мурманская, Новгородская, Псковская области и Республика Карелия) показывают отрицательную динамику развития. Особое место занимают ресурсодобывающие Коми и НАО, образуя отдаленный кластер успешного экономического развития на севере округа.

На Юге России самые слабые регионы — это республики Калмыкия и Крым. Остальные территории имеют положительную динамику как минимум в одном из критериев саморазвития, а, например, Ростовской области совсем немного не хватило до присвоения статуса саморазвивающейся.

Практически все регионы Северного Кавказа отнесены к категории развивающихся (кроме РСО — Алании), т. е. у них наблюдаются опережающие темпы роста при недостатке собственных финансовых ресурсов. Учитывая рекордно низкую обеспеченность налоговыми поступлениями расходов консолидированных бюджетов (кроме Ростовской области), можно предположить, что драйвером роста ВРП могут выступать именно федеральные дотации регионам, что свидетельствует об ограниченных источниках роста практически всего Северного Кавказа.

Обратная ситуация наблюдается в регионах Поволжья: большая часть территорий являются донорами федерального бюджета (девять из 14), однако не всем это идет на пользу. К финансово-устойчивым, т. е. с отрицательными темпами роста ВРП, относятся пять регионов (Удмуртия, Кировская, Нижегородская, Самарская и Ульяновская области), что свидетельствует о высоком экономическом потенциале и риске его снижения в силу недофинансирования расходов консолидированных бюджетов.

Регионы Урала являются наиболее благополучными территориями с точки зрения саморазвития. Единственное исключение — это Курганская область, не обладающая промышленным и финансовым потенциалом развития. Фактически, благодаря добыче природных

ресурсов, УрФО в последние десятилетия стал основным донором федерального бюджета, отдавая в бюджетную систему в 3,64 раза больше, чем расходует на территории округа.

Противоречивая ситуация с саморазвитием регионов складывается в Сибирском округе. Можно констатировать, что территории округа разделились на две основные группы: это слаборазвитые (четыре региона) и финансово устойчивые (тоже четыре). На наш взгляд, недофинансирование региональных нужд со стороны государственного сектора явно сигнализирует о влиянии на замедление экономического роста регионов Сибири.

Наиболее сложная ситуация по обоим критериям саморазвития складывается на Дальнем Востоке. Из 11 регионов восемь находятся в статусе слаборазвитых, два — развивающихся и только один регион, благодаря добыче углеводородного сырья, является саморазвивающимся — Сахалинская область. Данный округ является примером депрессивного развития территорий: при значительном софинансировании нужд регионального бюджета это не транслируется в рост добавленной стоимости, что, по всей видимости, объясняется географическими особенностями данного региона (исторически слабая развитость инфраструктуры, разреженное пространство, высокая стоимость капитальных вложений и т. д.)

Выводы

Проведенное исследование регионов России по критериям саморазвития еще раз подтвердило возможность и адекватность используемого подхода к оценке долгосрочного вектора развития территорий, наглядно демонстрирующего основные тенденции в экономическом и финансовом становлении регионов. Вместе с тем, полученные результаты позволили сформировать ряд конкретных общих выводов.

1. Используемый подход к оценке динамики регионального продукта, основанный на средних значениях к изменению ВВП, позволяет выделить регионы-лидеры и отстающие территории, однако не всегда учитывает специфику регионального развития (объем экономики региона, структурную специфику развития, динамику добавленной стоимости на душу населения). Как и любая относительная оценка, данный подход позволяет определить необходимый «срез» в развитии регионов, дополненный данными по финансово-налоговому балансам государственного управления.

2. В то же время, используемые методы позволили получить ряд выводов, не совсем со-

впадающих с общепринятой точкой зрения. Например, г. Москва, несмотря на хорошие показатели саморазвития, не является лидером ни в экономическом росте, ни в относительных показателях донорства федерального бюджета. Также расчеты показали, что ХМАО — Югра, несмотря на высокие показатели финансовой обеспеченности, не является саморазвивающимся регионом в силу отставания по росту ВРП и т. д.

3. Неким «эталоном» саморазвития регионов, если исключить столичные субъекты и те, экономика которых основана на добыче полезных ископаемых, можно признать десять областей из разных федеральных округов. При этом таких примеров нет в Северо-Кавказском ФО (развитие происходит за счет федеральных субсидий) и Дальневосточном (имеющиеся ресурсы не позволяют выйти на траекторию устойчивого роста).

4. Исходя из наших расчетов, можно предположить, что в Российской Федерации сложилась специфическая модель развития регионов: значительная часть финансовых ресурсов

изымается из нефтедобывающих и некоторых промышленно развитых регионов (что в значительной степени ограничивает их экономический рост), и перераспределяется в пользу регионов Северного Кавказа (что дает положительный эффект в развитии) и Дальнего Востока (дает слабый отклик в силу специфики региона).

5. Именно такая модель обусловила максимальное количество слабо развитых регионов на востоке страны, а также «лоскутное одеяло» из различных типов развития в Европейской части России. При этом наиболее хорошие показатели показывает Уральский федеральный округ (в первую очередь, по финансовым балансам) и Северо-Кавказский (по темпам роста ВРП).

В целом проведенное исследование еще раз подтвердило актуальность теоретических и методических положений саморазвития, сформулированных академиком РАН А.И. Татаркиным более десяти лет назад, и может быть использовано в качестве одного из инструментов оценки устойчивого развития регионов.

Список источников

- Генералов, Д. А., Жахов, Н. В., Дорохин, Е. Е., Куликов, М. В. (2024). Отраслевая специализация как фактор устойчивого развития российских регионов в современных геополитических условиях. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 14(6), 68–81. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-6-68-81>
- Ершов, Д. Н., Мидлер, Е. А., Раков, И. Д. (2022). Рейтинги устойчивого развития как инструмент оценки социально-экономических трансформаций в регионах РФ. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 13(4), 698–719. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.4.698-719>
- Захарчук, Е. А., Пасынков, А. Ф. (2010). Признаки и свойства саморазвивающихся социально-экономических систем. *Экономика региона*, (4(24)), 32–38.
- Захарчук, Е. А., Пасынков, А. Ф., Некрасов, А. А. (2013). Формирование саморазвивающихся регионов: теоретические основы и динамика развития. *Региональная экономика: теория и практика*, (13), 10–21.
- Окрепилов, В. В., Коршунов, И. В. (2024). Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(1), 60–78. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.3>
- Сергеев, А. М. (2017). Критерии и условия саморазвития территориальных систем. *Журнал экономической теории*, (3), 40–46.
- Татаркин, А. И. (2012). Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации. *Образование и наука*, (1), 26–45. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-1-26-45>
- Татаркин, А. И. (2013). Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России. *Экономика региона*, (4), 9–26. <https://doi.org/10.17059/2013-4-1>
- Arifa, N., Syahnur, S., & Abrar, M. (2024). The effect of regional financial autonomy on economic growth in Aceh province. *International Journal of Finance Economics and Business*, 3(1), 67–75. <https://doi.org/10.56225/ijfeb.v3i1.290>
- Chirodea, F., Soproni, L., & Marian, M. (2024). European Union Tools for the Sustainable Development of Border Regions. *Sustainability*, 16(1), 388. <https://doi.org/10.3390/su16010388>
- D'Adamo, I., & Gastaldi, M. (2023). Monitoring the Performance of Sustainable Development Goals in the Italian Regions. *Sustainability*, 15(19), 14094. <https://doi.org/10.3390/su151914094>
- D'Adamo, I., & Rossi, E. N. (2025). Impact of regional investment on the sustainable development goals: A group analysis of economic and territorial development. *Sustainable Development*, 33(2), 1816–1834. <https://doi.org/10.1002/sd.3215>
- Dilliana, S. M., Gayatri, G., Ratnadi, N. M. D., & Wirajaya, I. G. A. (2019). Regional financial performance mediates the effect of regional balance funds and expenditures on economic growth. *International Research Journal of Management, IT and Social Sciences*, 6(6), 164–171. <https://doi.org/10.21744/irjmis.v6n6.782>

- Karanina, E. V., & Karaulov, V. M. (2023). Differentiated approach to the diagnostics of economic security and resilience of Russian regions (case of the Volga federal district). *R-Economy*, 9(1), 19–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2023.9.1.002>
- Kirsanova, N., Nevskaya, M., & Raikhlin, S. (2024). Sustainable Development of Mining Regions in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Sustainability*, 16(5), 2060. <https://doi.org/10.3390/su16052060>
- Li, A. (2024). Reform of Budget Performance Management and Local Financial Pressure in China. *Academic Journal of Management and Social Sciences*, 9(1), 83–86. <https://doi.org/10.54097/h505h772>
- Liu, W., & Yan, H. (2025). The evaluation of ESG strategy implementation effect based on performance prism: Evidence from the industrial and commercial bank of China. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12(1), 395. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04572-x>
- Miao, J., Song, X., Zhong, F., Gao, F., Huang, C., & Zhao, X. (2025). The Priority Implementation of the Sustainable Development Goals in Underdeveloped Mountain Regions. *Sustainable Development*, 33(3), 3331–3347. <https://doi.org/10.1002/sd.3297>
- Milenković, M., Vaseashta, A., & Vasović, D. (2024). On the Selection and Quantification of Factors Influencing Sustainable Regional Development. *Polish Journal of Environmental Studies*, 34(5), 5237–5248. <https://doi.org/10.15244/pjoes/191175>
- Pop, D., & Stamos, I. (2024). Regional disparities and the localisation of the sustainable development goals in the EU. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 63(4), 1052–1079. <https://doi.org/10.1111/jcms.13679>
- Rieiro-García, M., Amor-Esteban, V., & Aibar-Guzmán, C. (2023). “Localizing” the sustainable development goals: a multivariate analysis of Spanish regions. *AIMS Environmental Science*, 10(3), 356–381. <https://doi.org/10.3934/envirosci.2023021>
- Strielkowski, W., Kalyugina, S., Gruzina, I., & Pyanov, A. (2024). Regional Sustainable Economic Development, Territorial Asymmetry, and the Role of Institutions: a Case of Russia. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 082–096. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.082-096>
- Tatarkin, A. I. (2016). Regional targeting of the Russian economic policy: an institution for spatial planning of territories. *R-Economy*, 2(1), 1–16. <https://doi.org/10.15826/recon.2016.2.1.001>
- Ticau, I. R., Dan, M. C., Hadad, S., & Nistoreanu, P. (2023). Sustainable Development in Peri-Urban Regions: A Triangulation Analysis. *Sustainability*, 15(20), 14837. <https://doi.org/10.3390/su152014837>
- Turgel, I. D., & Chernova, O. A. (2024). Open Science Alternatives to Scopus and the Web of Science: A Case Study in Regional Resilience. *Publications*, 12(4), 43. <https://doi.org/10.3390/publications12040043>
- Wang, C., Wang, L., Zhai, J., Feng, T., Lei, Y., Li, S., Liu, Y., Liu, Y., Hu, Z., Zhu, K., Chang, Y., Cui, S., & Mao, X. (2024). Assessing progress toward China’s subnational sustainable development by Region Sustainable Development Index. *Sustainable Horizons*, 11, 100099. <https://doi.org/10.1016/j.horiz.2024.100099>
- Wang, J., & Wu, W. (2024). Construction and analysis of regional financial stability index in China: Regional system status, difference measure and spatio-temporal variation. *Australian Economic Papers*, 64(1), 91–112. <https://doi.org/10.1111/1467-8454.12375>
- Zhikharevich, B. S., Klimanov, V. V., & Maracha, V. G. (2021). Resilience of a Territory: Concept, Measurement, Governance. *Regional Research of Russia*, 11(1), 1–8. <https://doi.org/10.1134/S2079970521010135>
- Zhou, D., & Dai, H. (2025). Provincial Sustainable Development in China from a Multidimensional Perspective: Regional Differences, Dynamic Evolution, Spatial Effects, and Convergence. *Sustainability*, 17(1), 215. <https://doi.org/10.3390/su17010215>
- Zhuang, Y., & Wei, H. (2023). Early warning model and prevention of regional financial risk integrated into legal system. *PLoS ONE*, 18(6), e0286685. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286685>

References

- Arifa, N., Syahnur, S., & Abrar, M. (2024). The effect of regional financial autonomy on economic growth in Aceh province. *International Journal of Finance Economics and Business*, 3(1), 67–75. <https://doi.org/10.56225/ijfeb.v3i1.290>
- Chirodea, F., Soproni, L., & Marian, M. (2024). European Union Tools for the Sustainable Development of Border Regions. *Sustainability*, 16(1), 388. <https://doi.org/10.3390/su16010388>
- D’Adamo, I., & Gastaldi, M. (2023). Monitoring the Performance of Sustainable Development Goals in the Italian Regions. *Sustainability*, 15(19), 14094. <https://doi.org/10.3390/su151914094>
- D’Adamo, I., & Rossi, E. N. (2025). Impact of regional investment on the sustainable development goals: A group analysis of economic and territorial development. *Sustainable Development*, 33(2), 1816–1834. <https://doi.org/10.1002/sd.3215>
- Dilliana, S. M., Gayatri, G., Ratnadi, N. M. D., & Wirajaya, I. G. A. (2019). Regional financial performance mediates the effect of regional balance funds and expenditures on economic growth. *International Research Journal of Management, IT and Social Sciences*, 6(6), 164–171. <https://doi.org/10.21744/irjmis.v6n6.782>
- Ershov, D. N., Midler, E. A., & Rakov, I. D. (2022). Sustainable development ratings as a tool for assessing socio-economic transformations in the regions of the Russian Federation. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) [MIR (Modernization. Innovation. Research)]*, 13(4), 698–719. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.4.698-719> (In Russ.)
- Generalov, D. A., Zhakhov, N. V., Dorokhin, E. E., & Kulikov, M. V. (2024). Industry specialization as a factor of sustainable development of Russian regions in modern geopolitical conditions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management]*, 14(6), 68–81. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-6-68-81> (In Russ.)

- Karanina, E. V., & Karaulov, V. M. (2023). Differentiated approach to the diagnostics of economic security and resilience of Russian regions (case of the Volga federal district). *R-Economy*, 9(1), 19–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2023.9.1.002>
- Kirsanova, N., Nevskaya, M., & Raikhlin, S. (2024). Sustainable Development of Mining Regions in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Sustainability*, 16(5), 2060. <https://doi.org/10.3390/su16052060>
- Li, A. (2024). Reform of Budget Performance Management and Local Financial Pressure in China. *Academic Journal of Management and Social Sciences*, 9(1), 83–86. <https://doi.org/10.54097/h505h772>
- Liu, W., & Yan, H. (2025). The evaluation of ESG strategy implementation effect based on performance prism: Evidence from the industrial and commercial bank of China. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12(1), 395. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04572-x>
- Miao, J., Song, X., Zhong, F., Gao, F., Huang, C., & Zhao, X. (2025). The Priority Implementation of the Sustainable Development Goals in Underdeveloped Mountain Regions. *Sustainable Development*, 33(3), 3331–3347. <https://doi.org/10.1002/sd.3297>
- Milenković, M., Vaseashta, A., & Vasović, D. (2024). On the Selection and Quantification of Factors Influencing Sustainable Regional Development. *Polish Journal of Environmental Studies*, 34(5), 5237–5248. <https://doi.org/10.15244/pjoes/191175>
- Okrepilov, V. V., & Korshunov, I. V. (2024). Managing the development of agglomerations in the context of multiple competing goals: Challenges and solutions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 17(1), 60–78. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.3> (In Russ.)
- Pop, D., & Stamos, I. (2024). Regional disparities and the localisation of the sustainable development goals in the EU. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 63(4), 1052–1079. <https://doi.org/10.1111/jcms.13679>
- Rieiro-García, M., Amor-Esteban, V., & Aibar-Guzmán, C. (2023). “Localizing” the sustainable development goals: a multivariate analysis of Spanish regions. *AIMS Environmental Science*, 10(3), 356–381. <https://doi.org/10.3934/environsci.2023021>
- Sergeev, A. M. (2017). Criteria and conditions for the self-development of territorial systems. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, (3), 40–46. (In Russ.)
- Strielkowski, W., Kalyugina, S., Gruzina, I., & Pyanov, A. (2024). Regional Sustainable Economic Development, Territorial Asymmetry, and the Role of Institutions: a Case of Russia. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 082–096. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.082-096>
- Tatarkin, A. I. (2012). Systematic Approach to Modernization of the Russian Federal Spatial Development. *Obrazovaniye i nauka [The Education and science journal]*, (1), 26–45. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-1-26-45> (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (2013). Self-development of regional socioeconomic systems as the need for Russia's federal development. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, (4), 9–26. <https://doi.org/10.17059/2013-4-1> (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (2016). Regional targeting of the Russian economic policy: an institution for spatial planning of territories. *R-Economy*, 2(1), 1–16. <https://doi.org/10.15826/recon.2016.2.1.001>
- Ticau, I. R., Dan, M. C., Hadad, S., & Nistoreanu, P. (2023). Sustainable Development in Peri-Urban Regions: A Triangulation Analysis. *Sustainability*, 15(20), 14837. <https://doi.org/10.3390/su152014837>
- Turgel, I. D., & Chernova, O. A. (2024). Open Science Alternatives to Scopus and the Web of Science: A Case Study in Regional Resilience. *Publications*, 12(4), 43. <https://doi.org/10.3390/publications12040043>
- Wang, C., Wang, L., Zhai, J., Feng, T., Lei, Y., Li, S., Liu, Y., Liu, Y., Hu, Z., Zhu, K., Chang, Y., Cui, S., & Mao, X. (2024). Assessing progress toward China's subnational sustainable development by Region Sustainable Development Index. *Sustainable Horizons*, 11, 100099. <https://doi.org/10.1016/j.horiz.2024.100099>
- Wang, J., & Wu, W. (2024). Construction and analysis of regional financial stability index in China: Regional system status, difference measure and spatio-temporal variation. *Australian Economic Papers*, 64(1), 91–112. <https://doi.org/10.1111/1467-8454.12375>
- Zaharchuk, E. A., & Pasyukov, A. F. (2010). Attributes of self-developing socio-economic systems. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, (4(24)), 32–38. (In Russ.)
- Zakharchuk, E. A., Pasyukov, A. F., & Nekrasov, A. A. (2013). Forming of self-developing regions: theory and dynamics of development. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, (13), 10–21. (In Russ.)
- Zhikharevich, B. S., Klimanov, V. V., & Maracha, V. G. (2021). Resilience of a Territory: Concept, Measurement, Governance. *Regional Research of Russia*, 11(1), 1–8. <https://doi.org/10.1134/S2079970521010135>
- Zhou, D., & Dai, H. (2025). Provincial Sustainable Development in China from a Multidimensional Perspective: Regional Differences, Dynamic Evolution, Spatial Effects, and Convergence. *Sustainability*, 17(1), 215. <https://doi.org/10.3390/su17010215>
- Zhuang, Y., & Wei, H. (2023). Early warning model and prevention of regional financial risk integrated into legal system. *PLoS ONE*, 18(6), e0286685. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0286685>

Информация об авторах

Захарчук Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент, руководитель центра стратегического развития территорий, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57190412267; <https://orcid.org/0000-0001-5546-8127> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru).

Пасынков Алексей Федорович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором финансового и стратегического развития, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56736526700; Researcher ID: L-7150-2017; <https://orcid.org/0000-0001-5186-4130> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pasynkov.af@uiec.ru).

About the authors

Ekaterina A. Zakharchuk — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Centre for Strategic Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57190412267; <https://orcid.org/0000-0001-5546-8127> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: zakharchuk.ea@uiec.ru).

Aleksey F. Pasyнков — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Sector of Strategic and Financial Development, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56736526700; Researcher ID: L-7150-2017; <https://orcid.org/0000-0001-5186-4130> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pasynkov.af@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 11.06.2025.

Прошла рецензирование: 21.07.2025.

Принято решение о публикации: 01.10.2025.

Received: 11 Jun 2025.

Reviewed: 21 Jul 2025.

Accepted: 01 Oct 2025.